

18+

Владислав Терещенко

СУДАРЬ

БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ

Владислав Терещенко
Сударь Благие Намерения

«Издательские решения»

Терещенко В.

Сударь Благие Намерения / В. Терещенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510757-2

Середина 19-го века, Россия. Чтобы защитить своего брата, Сергей Лисицин вместо него принимает вызов на дуэль. После ранения ему пришлось уволиться из полка и отправиться в русскую Америку. Из-за своего вспыльчивого характера и интриг бывшего противника по дуэли его высаживают на дикий берег Охотского моря. Там предстоит выжить, найти друзей, столкнуться с пиратами, а вернувшись в столицу, вновь со шпагой в руке встретиться лицом к лицу со своим врагом.

ISBN 978-5-00-510757-2

© Терещенко В.
© Издательские решения

Содержание

1. Усадьба Казинцевых, утро	6
2. Инцидент на балу	9
3. Пара писем	12
4. Встреча с Михаилом	14
5. Вечер в кают-компании	16
6. Утро на палубе	18
7. Поселение Лазарев	20
8. Неприятный разговор	21
9. Встреча с Гоушеном	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сударь Благие Намерения

Владислав Терещенко

© Владислав Терещенко, 2020

ISBN 978-5-0051-0757-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Усадьба Казинцевых, утро

Опрятно одетый белобрысый мальчишка лет десяти сидел на скамейке во дворе усадьбы перед входом в дом и болтал ногами, шурясь от яркого летнего солнца. Периодически он отмахивался от комаров, которые летели с соседнего болота.

Дворник Кузьма, поднимая облака пыли, мел двор. Он носил бороду, был космат и что-то постоянно бурчал себе под нос.

Сергей Лисицин, так звали парнишку, уже минут двадцать наблюдал за косматым дворником, ожидая своего двоюродного брата Михаила Казинцева – сына хозяев усадьбы.

После гибели отца на войне с турками 1828 – 1829 годов и смерти матери от внезапной болезни Сергей остался сиротой. Небольшое имение его мать успела продать. Из-за неудачного ведения хозяйства образовался долг, который отдать, кроме как продав имение, не было возможности. И она вместе с сыном переехала к родной сестре – Екатерине Анатольевне, по мужу Казинцевой.

Сергей, к радости Михаила, так и остался жить у них в имении. Екатерина Анатольевна с мужем воспитывали его, как собственного сына. Ребята сдружились. Они все время проводили вместе.

На пороге дома, наконец, появился Михаил. Внешне он был прямой противоположностью Сергея. Темные волосы, карие глаза, которые беспрестанно блестели озорством. И хоть он чуть ниже своего двоюродного брата, но гораздо подвижнее. Однако характер у них был схож. Оба вспыльчивы, но и легки на подъем. Несмотря на бесконечные споры, в которых никто не хотел уступать, они все же надолго не обижались друг на друга. А уж про ссоры и говорить нечего. Они могли начать толкаться и даже бороться, но через пару минут вместе уже бежали в сад рвать зеленые яблоки.

Михаил быстро сбежал по лестнице и подошел к Сергею. В руке он держал надкусанное яблоко.

– Что делаешь? – спросил он.

– Ничего. Скучно. Может, что-нибудь выдумаем? – шурясь на солнце, предложил Сергей.

Михаил молча пожал плечами и, откусив яблоко, сел рядом. И они оба принялись наблюдать за дворником.

Было слышно, как тот ворчал:

– Ёшки-матрёшки! Только-только ведь подмел. Опять намусорили. Что за люди?

Михаил подмигнул Сергею:

– Смотри!

Он выждал момент, когда дворник стоял к ним спиной, размахнулся и бросил в него яблоком. Яблоко попало тому в плечо.

Тот перестал мести и недовольно проговорил:

– Что еще?

Ребята тихонько хихикнули.

Услышав это, дворник повернулся в их сторону и пристально посмотрел из-под густых бровей на братьев. Они сделали вид, будто ни при чем. Михаил повернул голову в сторону, словно увидел там что-то особо интересное, а Сергей, пытаясь скрыть улыбку, смотрел себе под ноги.

Дворник погладил бороду, не сводя глаз с ребят, а потом сделал шаг в их сторону, топнув ногой. Так, шуточно, как будто – я вам покажу!

Мальчишки соскочили с лавки и кинулись в дом, громко смеясь. Но в этот момент из дверей показалась хозяйка – Екатерина Анатольевна. Она расставила в стороны руки и поймала сорванцов.

– А ну, постойте! – строго сказала она.

Дворник, увидев хозяйку, повернулся спиной, наклонился, незаметно поднял яблоко, положил его себе в карман и продолжил мести двор.

– Да, тетя?

– Что, матушка? – в один голос спросили ребята.

– Кто из вас, сорванцов, в дворника Кузьму яблоком бросил?

Екатерина Анатольевна посмотрела строго на Михаила, потом перевела взгляд на Сергея.

– Я не бросал, – проговорил тот.

Она вновь перевела взгляд на Михаила.

Тот пожал плечами.

– Не знаю, матушка, – соврал он, глядя себе под ноги.

– А я ведь в окошко-то все видела. Лгать, Миша, низко.

Дворник мел двор, но незаметно прислушивался к беседе.

– Игак, зачем же ты, Мишенька, надкусанным яблоком бросил в дворника Кузьму? – продолжала она отчитывать сына. – Поступок некрасивый и недостойный.

– Красивый, некрасивый, – вызывающе заговорил тот. – А чего он бурчит? Нечесанный весь, как леший. Одно слово – холоп!

– А хоть и так, однако человек он. И в кого ты такой?

– В отца, – не сомневаясь, выпалил Михаил.

– Не путай строгость отца с неуважением. А вот, к примеру, ждановский мальчишка, как его звали? Тот самый, который на рыбалке утонул в прошлом году.

– Еремка, – подсказал Сергей.

– Еремка, – повторила она. – Он был ваш друг? – обратилась к обоим мальчикам.

– Да, тетя, – кивнул Сергей.

– А все одно – холоп, – настаивал Михаил.

– Не холоп он, Миша, – проговорил Сергей, глядя на брата.

– А кто ж? Крестьянский сын, стало быть – холоп.

– Он был наш друг.

– Да ладно тебе, Сережа! Заладил! – и Михаил толкнул Сергея в плечо.

– А вот и не ладно. Сам заладил! – не остался в долгу тот и толкнул двумя руками Михаила в грудь.

Тот подскочил к Сергею и обхватил его за шею, намереваясь повалить на землю.

– А я вот вам сейчас, – Екатерина Анатольевна схватила сорванцов за уши и развела в стороны.

– Ой, матушка! – притворно и слащаво заговорил Михаил, морщась от боли. – Тебе на лицо комарик присел.

Екатерина Анатольевна отпустила уши ребят и стала отмахиваться от комара.

– Бежим, – крикнул Михаил и кинулся прочь со двора.

Сергей было припустил за ним, но остановился.

– Тетя, – начал он как-то нерешительно, но замолк.

– Чего стоишь? Беги уж следом, – перебила его Екатерина Анатольевна. «Извиниться, наверно, хотел, – подумала она. – Хороший паренек растет. Мише бы у него поучиться».

Сергей в этот момент рванул за Михаилом.

Пробегая мимо дворника, он весело закричал:

– Ох, ёшки-матрёшки!

Тот перестал мести. Покачал головой и неодобрительно зацокал языком.

– Башибузуки форменные! – проговорила Екатерина Анатольевна. – Сережа, не забудь, что завтра на могилу твоей матери пойдём. Годовщина ведь! – прокричала она.

– Хорошо, тетя, – слышался удаляющийся голос.

– Мальчишки, – со вздохом проговорила Екатерина Анатольевна. – Наступят еще времена, когда жизнь будет сполна с них спрашивать за самые незначительные проделки.
Она повернулась и вошла в дом.

2. Инцидент на балу

Бальный зал хорошо освещался. Беспреданно играла музыка. Посреди зала танцевали пары. Те, кто не участвовал в танцах, стояли по краям группами – юноши отдельно, девушки отдельно. Иногда кто-то из юношей подходил к девушке, чтобы пригласить на танец. У всех неприглашенных в глазах вспыхивал огонек зависти. Но высказывание зависти – это моветон. И поэтому девушки сразу начинали разговаривать на какие-то другие темы, про каких-то других людей.

– Мне он танец обещал, – проговорила одна из девушек своим подругам, явно продолжая разговор.

– Кто из них? – спросила вторая.

Первая девушка заулыбалась и проговорила:

– Лисицин который.

На что вторая девушка сказала:

– А мне больше его кузен Михаил нравится.

Тут к разговору подключилась третья подружка и поведала им, конечно, по большому секрету вполголоса:

– Поговаривают, что у Михаила адюльтер с супругой полкового адъютанта Гуревича.

Девушки захихикали. Потом, опомнившись – где наше воспитание, заахали.

Вторая девушка кивнула в сторону входа в зал:

– А вот и они. Красавцы оба.

– Да, да, – закивали головами другие девушки.

В зал вошли Сергей с Михаилом. Сергей в форме гусарского полка, а Михаил в светской одежде. Они остановились, оглядывая зал с видом полководцев перед битвой.

Михаил остановил взгляд на группе девушек.

– Вон, глянь! – проговорил он. – Юные дщери Афродиты.

И он слегка поклонился им. Следом поклонился Сергей. Проговорил игриво, так, чтоб никто, кроме них, не слышал:

– Ох...

И они разом с братом закончили фразу:

– Ёшки-матрёшки!

И тут же засмеялись.

Вдруг Михаил заметил кого-то среди присутствующих. Лицо его сразу стало заинтересованным.

– Серёжа, я оставлю тебя.

Тот кивнул и тихо со смехом проговорил:

– Надеюсь, когда-нибудь она станет вдовой.

Михаил ушел, а Сергей направился к группе молодых девушек, пытаясь вспомнить, кому же из них он обещал танец.

Яркий свет луны освещал дорожки и кусты парка, куда не долетал свет от окон бального зала. Но негромкая музыка сюда доносилась, создавая особую романтическую атмосферу. Спустившись по лестнице, Михаил и Анна, супруга Гуревича, остановились. Михаил, убедившись, что никого рядом нет, заговорил страстным шепотом:

– Сударыня, мне кажется, я ждал это мгновение всю жизнь.

Он взял ее руку и стал осыпать поцелуями. Анна остановила его, убрала руку и с улыбкой проговорила:

– Вы такой страстный, что от вас даже жар исходит.

– Я сгораю от любви, – глядя ей в глаза, проговорил Михаил. – Погасите мой огонь поцелуем. Умоляю вас!

– Вы меня толкаете на преступление, – несколько игриво проговорила она. – Я замужем. Вы меня компрометируете, – голос ее зазвучал слабым шепотом. – Но не могу устоять перед вашими мольбами, – она закрыла глаза, давая понять, что готова ко всему.

Михаил тут же этим воспользовался и страстно прильнул к ее губам.

В этот самый момент на лестнице появился муж Анны – полковой адъютант Гуревич. Зная наклонности своей супруги принимать попытки ухаживания местных молодых людей, он старался вовремя это пресекать. Но в этот раз он заигрался с офицерами в вист и проворонил исчезновение своей второй половины. Надеясь все же, что слухи об ее адюльтере неправда, он бросился ее искать. И честно признаться, был на взводе от такого поведения – взяла и просто исчезла. Обойдя зал, он вышел в парк. Услышав какие-то голоса внизу, Гуревич тихо подошел к лестнице и остановился на верхней ступеньке. Внизу увидел целующуюся парочку и хотел уже уйти, как в женщине узнал свою супругу. Вне себя от ярости он кинулся вниз, крича на ходу:

– Что здесь происходит, сударыня?

Анна вскрикнула.

Подскочивший к ним Гуревич попытался схватить Михаила, но ухватился только за перчатку, которую тот держал.

Испуганный Михаил бросился бежать и скрылся в кустах.

Гуревич посмотрел на перчатку юноши, потом на свою жену и, схватив ее за руку, молча потащил вверх по лестнице.

В бальном зале веселье продолжалось – играла музыка и танцевали пары.

Сергей с Михаилом стояли в стороне от всех присутствующих и тихо разговаривали.

– Сережа, он убьет меня, – нервно говорил Михаил озираясь. Его губы дрожали. В глазах был страх.

Сергей, так же осматривая зал, пытался успокоить кузена:

– С чего ты взял?

– С того, что я в дерево с двух метров попасть не могу. А у адъютанта уже несколько поединков на счету. Из которых он вышел победителем. Так говорят! А ситуация явно тянет на дуэль.

– Говорят... Он видел твое лицо?

– У него моя перчатка, – Михаил показал единственную оставшуюся. – Что делать? – казалось, он сейчас расплачется. – Что делать?

Сергей увидел входящего в зал Гуревича с супругой.

– Возьми мои перчатки, а мне давай свою, – быстро проговорил он. Они обменялись.

Гуревич, увидев братьев, направился к ним. Он буквально тащил за руку супругу. По лицу было понятно, что ей больно и неприятно. Она говорила негромко, но зло, как бы шипя:

– Оставь меня! Позоришь нас обоих. Отпусти, мне больно!

Гуревич шел, не обращая внимания на ее просьбы.

Подойдя к братьям, адъютант обратился к Михаилу:

– Мерзавец! – одновременно он бросил в Михаила отобранную у него ранее перчатку.

Перчатку поймал Сергей.

– О! Адъютант, спасибо! А я-то думаю, где я ее обронил? – издевательски заговорил он. – Отчего ж вы себя мерзавцем-то называете? Вы – герой! Я ж без перчатки, как без руки.

Гуревич на секунду от такой наглости оцепенел и стоял с открытым ртом. Краем глаза он заметил, что окружающие свидетели этой сцены притихли и ждали развязки. Оркестр играл какой-то веселый танец. Из-за этого вся ситуация приобретала курьезно-издевательский отте-

нок. Гуревич был готов броситься душить этого шута и его братца, из-за которых он оказался в такой неприличной ситуации. Однако же сдержался. Он злобно впился глазами в Сергея. Но окончательно потерять лицо было недопустимо. Он твердо произнес:

– Не фиглярствуйте, корнет! Это не вам предназначалось, а вот тому мерзавцу, который прячется за вашей спиной.

Сергей сделал театрально удивленное лицо и потребовал:

– Объяснитесь, Гуревич!

Адъютант наконец отпустил руку своей жены. И та сразу скрылась, проскользнув среди обступивших их любопытных и жадных до скандалов и сплетен людей.

– Прекратите! – рявкнул Гуревич. Потом подошел почти вплотную к Сергею и проговорил несколько неуверенно, стыдясь и надеясь, что окружающие его не услышат: – Будто вы не знаете. Он вздумал волочиться за моей женой.

Сергей, явно провоцируя адъютанта, продолжал говорить развязным, насмешливым тоном:

– Благочестивее и благороднее моего кузена я еще не встречал человека. Вы лжете. Да и перчатка моя. А ваша супруга не вызывает у меня особых симпатий. Простите за прямоту.

Это было уже чересчур. Гуревич с ненавистью проговорил:

– Благие намерения, сударь-дурак? – делая акцент на последнем слове. – Это был он. Я знаю. Но убью я вас. Потому что вы его покрываете. А потом вызову на дуэль его. И тоже убью, – он посмотрел на Михаила, который выглядывал из-за плеча Сергея, но, встретившись взглядом с Гуревичем, сразу спрятался за спину брата.

Сергей, пытаясь защитить Михаила, сделал все, чтобы переключить внимание на себя. И ему это удалось. Он с ухмылкой произнес:

– Посмотрим еще. Жду ваших секундантов.

Гуревич резко развернулся и пошел к выходу. Присутствующие перед ним расступались. «Надо отдать должное, – подумал Сергей, глядя на удаляющуюся фигуру, – выправка у него что надо, военная. Говорят, фехтует и стреляет хорошо».

***

Раннее-раннее утро... Ветер порывами то и дело пробегал по высокой траве. Отчего она напоминала легкую рябь волн на воде. Сергей стоял посреди тумана, исчезающего под лучами рассветного солнца, с пистолетом в руке. Он поднял голову вверх и посмотрел на раскачивающиеся верхушки деревьев. «Боже, какое замечательное утро! Как птицы поют! – думал он. – Должно быть, солнцу радуются». От мыслей его отвлек голос. Он, как кнут пастуха, рассек воздух: «Примирение невозможно».

И будто услышав это, резкий порыв ветра всколыхнул верхушки деревьев. Не чувствуя ни рук, ни ног от волнения, Сергей поднял пистолет и направил в сторону противника. Увидел, как тот уверенно целился в него. Раздались почти одновременно два пистолетных выстрела.

3. Пара писем

Сергей открыл глаза. Занавески задернуты. В комнате полумрак. В голове какой-то шум, будто шуршание шелка. Очертания предметов какие-то нерезкие, но постепенно стали проясняться.

Он попытался приподняться, однако слабость и резкая боль в груди заставили его лечь. Вырвался произвольный стон.

В комнату с кувшином воды и какими-то тряпицами вошла хозяйка – Мария Филипповна Федошина, у которой Сергей снимал комнату. Она среднего роста, далеко за пятьдесят, опрятно одета, но как-то во все черно-серое.

– Очнулись никак? – прямо с порога заговорила она. – Ну, слава Создателю! По правде сказать, сударь, думала, что век ваш завершился и вы покинете этот мир, так и не придя в память. Думала, придется священника звать. Ан нет, глянь-ка... Вы уж лучше лежите пока. Не двигайтесь. Сейчас за доктором отправлю.

Она подошла к столику рядом с кроватью и поставила на него кувшин.

– Что ж вам, молодым, так не терпится на тот свет улизнуть? – с упреком проговорила Мария Филипповна, вытирая влажной салфеткой пот со лба Сергея. – Вот мой муж – капитан Федошин – погиб за свое Отечество. Упокой, Господь, его душу. – Она перекрестилась, повернувшись к углу с иконами.

– Достойный был человек. А молодежь нынче совсем безответственная. Вот взять вас, – продолжала она. – Отдали бы Богу душу, пришлось бы нового постояльца искать. Да и хорони вас. Хорошо, что ваш брат денег оставил и за жилье заплатил вперед.

– Миша? Как он? – выдал из себя Сергей.

– Очаровательный юноша. Передал вам письмо. Каждый день захаживал. Я только его и пускала, так как доктор сказал, что вам покой нужен.

Вдруг встала руки в боки и гордо заявила:

– Тут ваши сослуживцы приходили. Один даже пытался силой прорваться, но не тут-то было. Вдову капитана Федошина так просто приступом не возьмешь.

Присела на кровать и проговорила уже обычным тоном:

– А недавно серьезный такой прапорщик послание принес. Но что там, не читала. – И добавила, снова вставая: – А брат-то ваш уехал.

– Уехал?

– В эту... Как ее... – Мария Филипповна пыталась вспомнить. – Кляксу, Аяксу... – махнула рукой. – Какой-то Богом забытый край Земли.

– Аляску? – спросил Сергей. – У Земли нет края. Путешественники доказали.

Федошина вдруг перекрестилась и испуганно проговорила:

– Это куда же он делся, край-то? Не пугайте старуху.

Повернулась и пошла к выходу.

– Пойду за доктором пошлю. Скажу, что вы очнулись.

Мария Филипповна вышла из комнаты.

Сергей увидел на столике у кровати два конверта. Протянул руку и, преодолевая боль, взял верхний. Это письмо от Михаила.

«...А посему вынужден отправиться в русскую Аляску по государственным делам. Да и от греха подальше. Черт меня дернул связаться с женой Гуревича. Все мысль не покидает: когда же он придет меня убивать? Оставляю тебя на попечении Федошиной и врача – немца Шуппе. Молюсь о твоём выздоровлении. И благодарен тебе за все. Твой кузен Михаил».

Сергей взял второй конверт. Тот, как и первый, оказался вскрыт. «Не читала, говорит», – подумал он.

Второе письмо было официальным:

«... В связи с произошедшим... Запрещены... В Ваших услугах не нуждается... Прибыть в канцелярию за документами и расчетом... Поскольку Вы – лицо пострадавшее, то против Вас дело не возбуждалось. Вашего же противника по дуэли, ротмистра Гуревича, отправили служить волей Государя на Дальний Восток.

Командующий лейб-гвардии Гродненским гусарским полком генерал-майор князь Багратион-Имеретинский Дмитрий Георгиевич».

Сергей опустил руку с письмом на кровать и закрыл глаза.

4. Встреча с Михаилом

Выздоровев после ранения, Сергей осознал, что у него, по сути, нет никакого дохода, поскольку полк ему пришлось покинуть. Имея достаточно хорошее образование, которое получил благодаря Казинцевым, он нашел место в горном ведомстве. Хоть Екатерина Анатольевна с мужем и считали его своим сыном, но возвращаться к ним в усадьбу после всего случившегося было неловко. И Сергей рассудил, что работа чиновником не мечта, конечно, но жалованье приносит.

Был уже вечер, когда он возвращался со службы домой. Сергей смирился со своим синим сюртуком и его высоким стоячим черным бархатным воротником – мундир ведомства. Даже то, что к мундиру полагалась шпага с серебряным темляком, особого оптимизма не внушало. Чиновник! Не об этом он мечтал. Ну, да чего уж теперь. Можно сказать, повезло. При жаловании. Его бывший командир – князь Имеретинский посодействовал. Человек он был не злой, своих подчиненных уважал. Если бы к дуэлям в государстве относились по-другому, то вообще бы закрыл на поединок глаза. Во все времена молодежь друг друга резала и стрелялась из-за любви или чести. Чертов Гуревич с его неверной женой. Ладно, хоть Мишу спас от этого семейства вурдалаков.

Подойдя к дому, он потянул за влажную от моросящего дождя ручку входной двери и вошел в плохо освещенную прихожую.

Из комнаты первого этажа появилась Федошина.

– А к вам гости, – немного загадочно проговорила она.

– Кто? – равнодушно спросил Сергей, отряхивая рукой мелкие капли с плеча.

– Просили не говорить, – с легкой улыбкой сказала капитанша. – Сюрприз.

Сергей поднялся по лестнице и вошел в комнату. Там, развалившись на стуле, сидел Михаил и читал одну из книг, которые в несколько стопок лежали на столе.

– Миша! – удивленно, но радостно почти выкрикнул Сергей. – Ёшки-матрёшки!

Михаил встал и развел руки в стороны.

– Здорово, брат!

Они бросились друг к другу в объятия.

Потом Сергей спустился к Федошиной и взял у нее в долг бутылку вина.

– Надолго? – спросил Сергей, разливая по стаканам темно-красную жидкость.

– На три дня. Разгрузка, погрузка и обратно. А ты, я вижу, уже выздоровел? Рад за тебя!

– На здоровье не жалею. А в остальном... – Сергей показал на себя и развел руки в стороны, мол, смотри сам.

– Чиновник, никак?

– Сижу, бумажки перекладываю. Делов-то... Главное, штаны не просидеть.

– А ты все хотел в гусарском мундире, на коне перед девицами щеголять? – пошутил Михаил.

– Хотел, – так же шутливо ответил Сергей. – Ну, в деле щегольства за тобой не утонишься.

Михаил вздохнул:

– Там, где я сейчас, щегольство не в чести.

Повисла пауза.

– А ведь изначально ты инженер, математик по образованию? – прервал вопросом молчание Михаил. – Нам там инженеры страсть как нужны.

– Предлагаешь с тобой?

– Со мной не успеешь. С делами рассчитаться за два дня не получится, а так на Аляске ты бы пригодился.

Пока разговаривали, за окном стемнело, и комната погрузилась во мрак.

– Надо подумать, – и Сергей задумчиво поставил стакан с вином на стол.

5. Вечер в кают-компании

В XIX веке плавание из Кронштадта в русскую Америку до Ново-Архангельска, который был практически столицей тех земель, занимало около полугода. И называлось в обиходе «плаванием через четыре океана» – Северный Ледовитый, хотя, по сути, через него проходили только суда из Архангельска, Атлантический, Индийский и Тихий. Заходы в порты разных стран для пополнения провизии и воды были событиями радостными, но редкими. Поэтому для морских офицеров и состоятельных пассажиров кают-компания была местом, где они коротали долгие дни путешествия. Собственно, у офицеров всегда было чем заняться в течение дня. Освобождались они только к вечеру. Ну, хоть так. Нет ничего тягостнее скуки в пути. Каждый находил для себя всевозможные занятия. Но самым желанным было общение. Офицеры и мичманы курили трубки, хвастая табаком из того или иного порта, играли в карты и пили вино, обсуждая женщин, если таковых не было среди пассажиров – гостей кают-компании.

«Святой Андрей Первозванный», рассекая волны, уже практически прошел через Атлантику и Индийский океан. Сергей сдружился со многими офицерами. Как бывший военный, он прекрасно понимал их юмор, сам знал множество забавных историй, поэтому всегда был желанным гостем в кают-компании. К тому же он исполнял под гитару несколько неплохих романсов. Особенно часто его просили спеть на стихи Баратынского:

Были бури, непогоды,
Да молодые были годы!
В день ненастный, час гнетучий
Грудь подымет вздох могучий...

И он это делал всегда охотно. Как и сейчас. Несколько голосов ему подпевали, а когда он закончил, все зааплодировали и, даже кто-то крикнул: «Браво!» Впрочем, это кричали практически всем. Роман Сильвестрович Роговский – капитан корабля, заслуженный моряк, уже в летах, был сентиментален, даже незаметно утер слезу. Возможно, вспомнил свою юность и начало морской карьеры. Атмосфера была очень доброжелательная.

Сергей отложил гитару и поднял бокал с вином.

– Господа, тост!

Все присутствующие с радостью подняли бокалы. В кают-компании повисла тишина.

– Когда-нибудь мое плавание через все эти океаны закончится, – заговорил Сергей. – И я ступлю на твердую землю неведомого мне и далекого материка. Заменит ли он мне Родину? – он сделал паузу. Продолжил: – Не ведаю. Но одно точно знаю, что буду с теплотой вспоминать своих попутчиков. Всех вас, господа! Ёшки-матрёшки! За величие российского императорского флота!

Присутствующие встали, повторяя:

– За величие российского императорского флота!

Один из офицеров крикнул:

– Сергей Петрович, виват!

Остальные подхватили:

– Виват! Виват! Виват!

Потом гитару взял какой-то мичман и начал весело и бодро петь:

– В дни безграничных увлечений,

В дни необузданных страстей...

Присутствующие подхватили хором:

– Со мною жил превратный гений,

Наперсник юности моей.

Сергей слушал песню молча. На него нахлынули воспоминания: усадьба Казинцевых, университет, полк, Михаил, Гуревич. Как-то тихонько заныла рана от дуэли. Не физически, а, скорее, фантомно.

От мыслей его отвлек Роговский, который просто подсел к нему и заговорил:

– Сергей, я положительно не понимаю вашего желания отправиться на край света, когда с такими талантами и харизмой ваше место в салонах столицы. Сразу видно, что вы человек светский и компанейский.

– Для всего есть причина, Роман Сильвестрович, – проговорил Сергей. – Однако же и вы уходите столь далеко от дома.

– Ну, я-то на службе. Куда царь-батюшка и отчизна отправят, туда и путь лежит.

– Знакомо. Я служил в лейб-гвардии, в Гродненском гусарском полку.

Роговский заулыбался.

– Не под командованием ли Дмитрия Георгиевича? По юности мы были с ним приятели. Молодой купец по фамилии Кадочников, которого отец снарядил для участия в Русско-Американской кампании, вдруг прервал их разговор неожиданным вопросом:

– А не тот ли вы корнет Лисицин, который ушел со службы из-за дуэли с Гуревичем?

Судя по речи, он был изрядно пьян, и Роман Сильвестрович посмотрел на него суровым взглядом. Однако Кадочников не обратил на это внимания.

– Хм... Не лучший эпизод моей жизни, который я не хочу обсуждать, – сказал Сергей.

– А между прочим, – многозначительным тоном произнес Кадочников, – Гуревич свояк Романа Сильвестровича.

Сергей поднялся. Вся эта пьяная беседа ему была неприятна. Тем более его противник по дуэли, из-за которой сильно изменилась его жизнь, оказался родственником капитана.

– Простите, господа, я, пожалуй, откланяюсь.

Но Кадочников не унимался и продолжал говорить ему вслед:

– А Гуревича отправили служить на Дальний Восток. В Лазареве вы с ним, возможно, и встретитесь. Верно, Роман Сильвестрович?

Кадочником пьяно хихикнул. Как-то даже злорадно.

– Послушайте... Вы молоды, глупы и слишком пьяны, – тоном, не терпящим возражений, высказал ему Роговский. – Все это не ваше дело. Извините за грубость, конечно. Впрочем, перед кем тут извиняться... Идите уже спать. Завтра вам стыдно будет за свое поведение.

6. Утро на палубе

Из-за того, что с вечера лег рано, Сергей так же рано и проснулся. Спать не хотелось вовсе. Он оделся и поднялся на палубу. «Святой Андрей Первозванный» шел медленно в окутывающем его тумане. Слабые лучи солнца просто увязали в белой пелене. Однако с каждой минутой туман становился все более прозрачным.

Сергей набрал полную грудь влажного, холодного воздуха. Выдыхая, заметил, как легкий пар растворялся в окружающем тумане.

– Доброе утро. Что-то прохладно, – обратился он к Невельскому, стоящему на палубе с подзорной трубой.

Геннадий Иванович, высокий мужчина тридцати пяти лет, морской офицер, путешественник, посмотрел на Сергея и ответил:

– Доброе. Только туманное.

– Отчего вы вчера вечером с капитаном ругались?

– Ну... Сергей Петрович, мы с ним не ругались, а скорее обсуждали. Просто громко и эмоционально.

Невельской помолчал, вглядываясь в туман.

– Вот понимаете, в чем дело... Обычно суда огибают Сахалин... Подержите, – Невельской протянул Сергею подзорную трубу.

Сергей взял в руки и тут же глянул в нее с любопытством, пытаясь рассмотреть что-то в тумане. Невельской достал из-за пазухи карту, свернутую трубочкой, и развернул.

– Взгляните. Что написано перед словом «Сахалин»?

Сергей тут же склонился над картой.

– Полуостров.

Невельской закивал головой.

– И обычно суда огибали полуостров. И через три дня пути от этой точки на карте...

Геннадий Иванович ткнул пальцем в карту. Та тут же свернулась в трубочку обратно. Он опять ее расправил. И продолжил:

– ...Заходили в Лазарев.

Невельской свернул карту и положил ее за пазуху.

– Что вы видите с левого борта?

– Земля. Берег, – не понимая, к чему ведет Геннадий Иванович, ответил Сергей.

– Правильно! – радостно заговорил тот. – Береговая линия. А теперь взгляните в подзорную трубу во-о-он туда, – он рукой указал в противоположную сторону. – С правого борта. Туман рассеивается. И вы должны это увидеть.

Сергей взглянул в подзорную трубу в направлении, которое указал Невельской.

– Камни. Тоже земля! – не высказывая открыто свое удивление, проговорил Сергей, пытаясь рассмотреть подробнее береговую линию.

Геннадий Иванович заулыбался и хлопнул его по плечу.

– Верно! Там Сахалин! И это остров! И мы сейчас идем проливом между материком и Сахалином. А? Каково?

Невельской повернулся в сторону мостика, где стоял Роговский.

– Как видите, Роман Сильвестрович, на камни еще не сели. Зато сэкономим три дня пути.

Тот напряженно вглядывался вдаль. На слова Невельского он не ответил. Только недовольно откашлялся и громко скомандовал:

– Лотовый, доложить глубину!

– Проходим, Роман Сильвестрович, – ответил матрос, который мерил глубину лотом.¹
– Проходим... – недовольно буркнул Роговский. – Ты мне глубину назови. А то посажу на бак!²

– Пять сажень, – резво ответил матрос.

Роман Сильвестрович поднял голову и крикнул матросу на огороженной марсовой площадке на грот-мачте³:

– Смотрящий, в оба глаза смотреть. Докладывать обо всем, что видишь.

– Так точно. Впереди чисто.

– Нам бы на банку⁴ не угодить, – высказал свои опасения Роговский. – Боцман! Поставь еще к бакборту и штирборту⁵ по человеку. Пусть поглядывают. Не помешает.

Тут же раздался хриплый голос боцмана:

– Есть поставить к бакборту и штирборту по человеку!

– О чем только думал? Как я дал себя уговорить на такое? – бурчал капитан.

– Роман Сильвестрович! В историю попадете! – весело крикнул Невельской.

– Именно что в историю как бы не попасть, – серьезно ответил Роговский.

Сергей повернулся к Невельскому.

– Геннадий Иванович, так значит?..

Тот его перебил:

– Это пролив.

– Название уже придумали? – восхищенно проговорил Сергей.

– Полноте, какое название? Еще ничего не ясно, – скромно ответил Невельской. Потом подумал и проговорил: – Решать будет географическое общество.

Сергей стал молча вглядываться в береговую линию. Туман уже практически рассеялся. И солнечный утренний свет доедал остатки белой прозрачной пелены.

Судно шло медленно, на ощупь незнакомым путем. Большинство парусов было спущено. Сергей еще постоял некоторое время на палубе и спустился в свою каюту греться.

---

¹ Лот – свинцовая гирия, к которой привязывался линь – тонкий канат с флажками, применялся для измерения глубины во флоте. (Прим. автора).

² Посадить на бак – наказать, морской жаргон (прим. автора).

³ Грот-мачта – самая близкая к носу судна мачта (прим. автора).

⁴ Банка – мель среди глубокого места (прим. автора).

⁵ Бакборт и штирборт – левый и правый борта судна (прим. автора).

7. Поселение Лазарев

Поселение Лазарев – это была та самая точка, от которой экспедиция Невельского отправлялась вглубь территории. Прямо на берегу перед частоколом стояло несколько навьюченных лошадей. Около них суетились казаки, которые должны были отправиться вместе с Геннадием Ивановичем.

«Святой Андрей Первозванный» стоял на рейде. Недалеко от него еще три судна поменьше.

Сергей выпрыгнул из лодки, доставившей его, как только она уткнулась в песчаный берег, и огляделся. Увидел Невельского, который проверял натяг подпруги седла у коня, тут же направился к нему.

– Тимофей, ты оружие проверил? Все взяли? – громко спросил Геннадий Иванович одного из казаков.

– Так точно, ваше высокоблагородие.

– Провизией кто занимался?

– Белякин Харитон. Да вы не волнуйтесь, Геннадий Иванович. Все взяли.

– Ха! Как тут не волноваться-то? – проговорил негромко Невельской, поглаживая шею коня.

– Отправляетесь? – спросил подошедший Лисицин.

– Вот буквально сейчас и выходим.

– Желаю вам удачи.

– Ой, к черту, Сережа, к черту.

Невельской быстрым шагом пошел к открытым воротам поселения. Сергей двинулся следом.

8. Неприятный разговор

Пройдя ворота, Роговский пошел в сторону административной избы, где намеревался повидаться со своим родственником. Дверь отворилась, и появился Гуревич. Увидев Романа Сильвестровича, он быстро сбежал с крыльца к нему навстречу.

– Ну, здравствуй, свояк! – обрадовался капитан.

– Здравствуй, Роман Сильвестрович.

Гуревич и Роговский обнялись по-родственному.

– Как поживаешь? Как служба?

Гуревич махнул рукой и недовольно сказал:

– Да какая тут жизнь, на краю Земли-то? Все одно что тюрьма или ссылка.

– Ну, полно тебе! – попытался смягчить разговор Роман Сильвестрович. – Прямо уж тюрьма. Звание тебе сохранили. Ты рапорт отправлял?

– Отправлял. Ни ответа, ни привета, – ответил Гуревич и сразу без паузы спросил: – Как Анна?

– Не хотел тебя расстраивать, но и лгать не научен, – очень серьезно заговорил Роговский. – Не особенно-то она и переживает о твоём отсутствии. Меня, как брата ее, это удручает.

Гуревич задумчиво посмотрел вдаль на стоящие на рейде суда. Роман Сильвестрович заметил в его глазах какую-то тоску.

– Слышал, нескучно тут у тебя? – отвлек от тяжких дум свояка Роговский.

– Намедни отправлял одного из солдатни. Со скуки бабу не поделили. Ладно бы морду друг другу набили и все. Так нет, из ружья шмальнул один в другого. Насмерть.

Роговский перекрестился.

– Успокой его душу. Пьяные были?

– А то ж! – усмехнулся Гуревич. – Отправил его в Охотск. Пусть там разбираются. Их обоих за проделки сюда отправили. На прежнем месте оба дисциплиной не отличались. Как часто бывает, чтобы не на каторгу, так сюда.

Оба помолчали. Гуревич и сам-то попал сюда не по своей воле.

– Ты, кстати, Роман Сильвестрович, слышал? Пираты у нас объявились. Мелкие суда грабят. Прибрежные поселения, – предупредил бывший полковой адъютант. – Будешь мимо острова Большой Шантар проходить, поглядывай. Есть догадка, что они там прячутся.

– Поглядим. Откуда ж они тут? – поинтересовался капитан.

– Да китайцы. Британцы их прижали, так они сюда кинулись. Ну, там и корейцы, и наши – беглые. Видел на рейде три судна? – Гуревич показал рукой на море.

– Видел.

– Часть охотской флотилии. Хотят побережье патрулировать.

– Сложно их военными судами назвать-то.

– А других нам государь не прислал, – Гуревич развел руки в стороны. – Как говорится, чем богаты... Орудия какие-никакие поставили. Солдат разместим. Против военного корабля не устоят, а против пиратов вполне.

– А чего отряд не отправите остров прочесать?

– Людей мало. Не так давно отправляли. Никого не нашли. Только замаскированное костровище.

– Были, но ушли?

– Получается, что так.

– Могу чем-то помочь?

– Не! Сами справимся.

В воротах показался Невельской и прямо на ходу громко заговорил:

– Простите, Роман Сильвестрович, что прерываю вашу беседу. Казимир Илларионович, дадите мне еще служивых в сопровождение?

– Семерых, как вы просили, не могу, а троих дам, – ответил Гуревич подошедшему путешественнику. – Да и зачем вам лишние едоки в экспедиции?

– Ну, и на том спасибо, – поблагодарил Геннадий Иванович.

Быстрым шагом к ним подошел Сергей.

– За вами не угонишься, – весело проговорил он, обращаясь в Невельскому.

– А! Казимир Илларионович, позвольте вам представить нашего попутчика и моего приятеля, – показал рукой Геннадий Иванович, – Сергей Петрович Лисицин.

Он с улыбкой начал было:

– Рад знаком... – узнал своего бывшего противника по дуэли и будто поперхнулся, – ... ству.

Улыбка мгновенно исчезла с его лица. И оно стало серым, каменным.

Гуревич посмотрел на Сергея с нескрываемым презрением.

– Да, мы знакомы. Верно, корнет? Или вас можно назвать Сударь Благие Намерения? – отчеканил каждое слово бывший полковой адъютант.

Сергей не ответил, только смотрел с вызовом в глаза своему бывшему полковому адъютанту.

Гуревич, конечно, не самый приятный человеком на свете, но в ситуации с Михаилом, участником и пострадавшим в которой был Сергей, он все же защищал свою честь. Однако нерастраченный юношеский максимализм не давал возможности правильно оценить ситуацию. Да и Гуревич был недоволен, что истинный виновник ускользнул от него из-за этого хлыща. А теперь еще вынужден тратить свои годы в этом захолустье. Так они стояли напротив молча, с ненавистью и презрением глядя друг на друга.

Увидев все это, Роговский подхватил Невельского под руку, отвел в сторону и шепнул:

– Геннадий Иванович, надо спасти положение. Они оба здесь оказались из-за дуэли, на которой стрелялись.

В это момент Гуревич прервал молчание:

– Вижу, вы оправились, сударь?

– Вашими молитвами и велением судьбы, – с сарказмом ответил Сергей.

– Полноте, – в тон ему продолжал нынешний комендант Лазарева. – Я не ваша матушка, чтобы молиться. А если бы даже и молился, то за упокой вашего развратного братца, Сударь Благие Намерения.

– Матушка моя померла давно. Вам не надо поминать ее всуе. А в остальном... Желаете повторить? – с вызовом спросил Сергей.

– Насчет матушки простите. А насчет повторить – не время. Но память у меня долгая, не сомневайтесь, – холодно произнес Гуревич.

Вернувшийся с Роговским Невельской заговорил, будто ничего не произошло:

– Господа... Господа, простите, что прерываю, однако время не ждет.

Далее он обратился непосредственно к Гуревичу:

– Так мы договорились насчет сопровождения?

Роговский подошел к Сергею и нарочито громко заговорил:

– Не откажите в любезности. У меня есть копия португальской лоции акватории Хоккайдо. Не можете ли разобраться?

Не понимая, зачем капитан обратился к нему, Сергей начал было нерешительно:

– Но...

Роман Сильвестрович его прервал:

– Я настаиваю.

– Хорошо, но я не силен в португальском, а в логиях разбираюсь не более козы во французском вине.

– Ну вот и славно! – радостно проговорил Роговский и, обняв Сергея за плечи по-отечески, повел его к лодкам.

Как только они вышли за ворота поселения, обнесенного частоколом, Сергей вдруг остановился.

– Пойдите... Гуревич – ваш родственник, насколько я помню? И вы меня увели, чтобы мы не поссорились? – он посмотрел на пожилого капитана.

– Судьба его уже наказала, – со вздохом проговорил тот. – Да и вас тоже, насколько я понимаю. Поэтому, от греха подальше, я попрошу отправиться на судно и не сходить с него до следующего порта.

– Я не ваш подчиненный, – с вызовом проговорил Сергей.

– Это просьба, – мягко настаивал Роман Сильвестрович.

Сергей уже и сам хотел уйти от этого ставшего неприятным ему места. Он повернулся и в сопровождении капитана пошел к берегу.

Гуревич провожал их тяжелым взглядом.

– Ну как? – спросил его Невельской.

Гуревич, не отрывая взгляда от фигуры уходящего Лисицина, произнес:

– Проходите в избу. Сопровождающие там ждут.

– Благодарю, – радостно сказал Геннадий Иванович и буквально взлетел по ступенькам крыльца.

Мимо открытых ворот прошел с виду охотник из местных, однако по раскосым глазам несложно было определить, что это китаец-манчжур. Он повернулся, глянул на коменданта и пошел дальше. Гуревич осторожно посмотрел по сторонам – не видит ли кто, и двинулся следом.

9. Встреча с Гоушеном

Когда он вышел за ворота, китаец уже сидел на большом камне метрах в тридцати от частокола. Он молча, будто статуя, не шевелясь, смотрел на стоящие суда. На коленях у него лежало охотничье ружье.

Гуревич пошел медленно, будто гуляя. Поднял с земли какой-то камешек. Рассмотрел его и откинул в сторону. Потом остановился, достал кисет и трубку. Набил ее табаком, раскурил и не спеша подошел к сидящему на камне китайцу.

– Здравствуй, Гоушен, – глядя на поверхность океана, тихо сказал он.

Охотник, которого Гуревич назвал Гоушеном, слегка повернулся в его сторону и молча кивнул.

– Долю принес? – так же, не повышая голоса, спросил комендант.

Китаец достал из-за пазухи увесистый кошель.

– Клади его на землю возле камня.

Тот так и сделал.

– Судно у берега видишь? Оно ближе всего к нам. Будет проходить мимо, не высовывайтесь. Судно военное. Если что, передавят вас как котят. А через неделю пройдет транспорт с пушниной из Охотска. Команды всего ничего. Вот и будет чем поживиться.

Китаец кивнул.

– Сейчас уходи. Понадобисься – дам знать.

Гоушен поднялся с камня и, не прощаясь, двинулся вдоль берега прочь от поселения.

Гуревич огляделся по сторонам. Потом наклонился, поднял кошель и положил в карман. Постоял еще какое-то время, любясь природными красотами, повернулся и направился обратно к воротам.

Уже на подходе к избе, где была его штаб-квартира, он заметил матроса с корабля Роговского.

– А ну стой, – окликнул он.

Матрос остановился, но завидев мундир Гуревича, вытянулся в «смирно».

– Слушаю, ваше благородие.

– Ты с «Андрея Первозванного»?

– Так точно. Матрос Колокольцев.

Гуревич махнул рукой в сторону только садящихся в шлюпку капитана и Лисицина.

– Вот того молодого рядом с капитаном знаешь?

Колокольцев стрельнул взглядом в их сторону. И четко ответил:

– Пассажиром у нас.

– Заработать хочешь?

Вопрос был неожиданным, и матрос замешкался с ответом. Глаза его забегали.

– Ну? – поторопил Гуревич.

– Так... Хочу. А как?

– Тот молодой замыслил бунт на корабле. Слышал про восстание на Сенатской в двадцать пятом?

Колокольцев кивнул.

– Этот молодой – Лисицин – скрылся тогда, ушел от наказания.

– Молод он слишком. Я сам тогда мальцом был. А этот куда моложе меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.